

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 145–152. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 145–152. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.43

EDN GSOKRH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

НЕОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО САНКЦИОННОГО ДИСКУРСА

Липириди София Христофоровна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, sofa.lipiridi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Аннотация. В данной статье рассматриваются неологизмы, возникшие в англоязычном санкционном дискурсе в контексте современных геополитических изменений и экономических санкций. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью языка как инструмента формирования общественного мнения и политической риторики в условиях глобальных конфликтов. Работа включает теоретическое обоснование понятия неологизма, а также его классификации в зависимости от источников возникновения и функциональной нагрузки в языке. Далее анализируются конкретные примеры неологизмов, появившихся в результате введения санкций против различных стран, акцентируя внимание на их семантическом значении и стилистических особенностях. В процессе анализа используется метод контент-анализа, что позволяет выявить частотность употребления неологизмов и их распределение по различным текстovým жанрам – от официальных документов до медийных публикаций. Особое внимание уделяется влиянию неологизмов на формирование общественного мнения и их роль в манипуляции сознанием.

Ключевые слова: язык, неологизмы, онлайн-словарь, неологизация, тематическая группа, семантика, электронные СМИ, санкционный дискурс.

Для цитирования: Липириди С.Х., Катермина В.В. Неологизация современного англоязычного санкционного дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 145–152. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

Research Article

NEOLOGISATION OF MODERN ENGLISH SANCTIONS DISCOURSE

Sophia Ch. Lipiridi, PhD in Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, sofa.lipiridi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Veronika V. Katermina, DSc in Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Abstract. This article examines neologisms that have emerged in the English sanctions discourse in the context of modern geopolitical changes and economic sanctions. Topicality of the study is due to the growing role of language as a tool for shaping public opinion and political rhetoric in the context of global conflicts. The work includes a theoretical justification for the concept of neologism as well as its classification depending on the sources of origin and functional load in the language. Further, specific examples of neologisms, that have emerged as a result of the introduction of sanctions against various countries, are analysed, focusing on their semantic meaning and stylistic features. The analysis uses the method of content analysis which allows us to identify the frequency of use of neologisms and their distribution across various text genres – from official documents to media publications. Particular attention is paid to neologism influence on public opinion formation and to their role in manipulating consciousness.

Keywords: language, neologisms, online-dictionary, neologisation, thematic group, semantics, electronic media, sanctions discourse.

For citation: Lipiridi S.Ch., Katermina V.V. Neologisation of modern English sanctions discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 145–152 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

Современный мир переживает эпоху глобальных перемен, затрагивающих без исключения все страны. В последние десятилетия глобальная политическая и экономическая обстановка претерпела значительные изменения, что привело к активному использованию санкций как инструмента внешней политики. Санкции как форма экономического давления применяются государствами и международными организациями для достижения политических целей, и их язык становится важным объектом исследования. В этом контексте неологизмы, новые слова и выражения, возникающие в результате метаморфоз в политической и экономической реальности, играют ключевую роль в формировании санкционного дискурса.

Неологизмы в англоязычном санкционном дискурсе представляют собой не только лексические новшества, но и отражение изменений в международных отношениях, а также трансформацию общественного мнения. Они могут возникать в результате адаптации существующих терминов к новым условиям или же как результат создания совершенно новых слов для описания уникальных ситуаций. Например, термины, связанные с киберсанкциями, финансовыми ограничениями или гуманитарными последствиями санкций, становятся все более актуальными в условиях глобализации и цифровизации.

Неологизация языка, безусловно, отражает его развитие, а заимствование новых слов представляет собой один из мощных механизмов неологизации. Процесс заимствования интересен еще и с точки зрения его влияния на языковую картину мира определенного этноса и на традиционные морально-нравственные ценности нации [Сенько: 140].

А.В. Самойлова, говоря о событиях социально-политического характера, считает, что они требуют детального лингвистического анализа, способствуют пополнению языкового массива за счет появления неологизмов специфического характера [Самойлова: 147].

Обогащение словарного запаса любого языка новыми лексическими единицами – процесс естественный и закономерный, обусловленный различными факторами. Действие языковых и социальных факторов, несомненно, должно быть принято во внимание, поскольку истинные причины языковой эволюции кроются исключительно во взаимодействии этих аспектов. Процесс образования неологизмов обусловлен внешними, или экстралингвистическими, факторами, играющими определяющую роль и влияющими на выбор способа обозначения денотата: словообразование или изменение значения существующего в языке слова [Хатламаджиян: 155].

В условиях таких реалий общественного прогресса, как глобализация экономики, цифровизация бизнеса и социальной деятельности, появление но-

вых понятий является неизбежным фактом. Помимо своей номинативной функции новые единицы языка обладают выразительным потенциалом, реализующим стратегию привлечения внимания. Современный английский деловой дискурс выступает отражением актуальных событий, происходящих в мировой экономике, и в этой связи остро встает проблема изучения экспрессивной составляющей деловых текстов, поскольку именно средства выразительности, обогащающие коммуникативный процесс новыми образами, являются надежным залогом его эффективности [Криворучко: 224].

Как пишет М.А. Кажарова, существует неразрывная связь между языком и политикой, поскольку политика невозможна без коммуникации. Ее уникальность заключается в дискурсивном характере, а политические действия по своей сути представляют собой речевые акты. Важно отметить, что политический дискурс не является статичным. Он активно изменяется в зависимости от культурного контекста и общественных настроений. Социальные сети и цифровые платформы играют ключевую роль в распространении политических идей, предоставляя новые возможности для манипуляции и формирования общественного мнения [Кажарова: 86].

Слово «санкция» имеет несколько значений в зависимости от контекста, в котором оно используется. В общем смысле санкция – это мера, принимаемая для обеспечения соблюдения норм, правил или законов. Это может быть как одобрение, так и наказание. В толковом словаре С.И. Ожегова санкция – это утверждение чего-н. высшей инстанцией, разрешение или же мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор, а также вообще та или иная мера воздействия по отношению к правонарушителю [Ожегов: 620].

Согласно словарной статье Коллинса, “sanctions are measures taken by countries to restrict trade and official contact with a country that has broken international law” [Collins Dictionary]. Таким образом, мы говорим о том, что санкция может обозначать разрешение или одобрение какого-либо действия (например, санкция на проведение мероприятия) или же наказание за нарушение закона (например, уголовная санкция). В контексте международных отношений санкции часто применяются государствами или международными организациями для давления на другие государства с целью изменения их поведения (например, экономические или политические санкции).

Санкционный дискурс – это комплексное явление, охватывающее язык, используемый для обсуждения, обоснования и применения экономических и политических санкций. Он включает в себя различные аспекты, такие как цели, задачи, суть и средства выражения.

Цели санкционного дискурса:

1. Обоснование санкций. Основная цель санкционного дискурса заключается в том, чтобы объяснить необходимость введения санкций. Это может включать в себя указание на нарушения международного права, угрозы безопасности или нарушения прав человека.

2. Управление общественным мнением. Санкционный дискурс стремится сформировать общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Он направлен на создание поддержки среди граждан и международного сообщества для применения санкций.

3. Демонстрация решимости. Санкции часто используются как символ политической воли и решимости государства в борьбе с нежелательными действиями других стран или субъектов.

4. Принуждение к изменению поведения. Одна из ключевых целей санкций – это принуждение целевых стран или групп к изменению их политики или поведения через экономическое давление.

Задачи санкционного дискурса:

1. Информирование. Обеспечение информирования аудитории о причинах и последствиях введения санкций. Это может включать в себя детальное объяснение того, какие меры принимаются и почему.

2. Создание легитимности. Установление легитимности санкций через ссылки на международные нормы, резолюции ООН или другие правовые рамки.

3. Анализ последствий. Оценка потенциальных экономических, социальных и политических последствий санкций как для целевой страны, так и для стран-инициаторов.

4. Мониторинг и оценка эффективности. Оценка того, насколько санкции достигают своих целей и как они воспринимаются различными группами.

Учитывая данные цели и задачи, можно говорить о том, что суть санкционного дискурса заключается в том, что он представляет собой инструмент коммуникации, который помогает формировать и регулировать международные отношения через язык. Он включает в себя не только юридические и политические аспекты, но и социальные, культурные и экономические контексты. Санкционный дискурс часто строится на бинарных противоположностях (например, «хорошие» против «плохих»), «правильные» против «неправильных»), что упрощает восприятие сложных международных вопросов. При этом основой санкционного дискурса будут: политические решения о введении санкций, принимаемые на высоком уровне власти и отражающие стратегические интересы государства или группы государств; международное право и международные нормы и соглашения, придающие санкциям легитимность; экономические реалии, играющие ключевую роль в разработ-

ке и применении санкций, включая ожидания о том, как они повлияют на целевую страну и на самих инициаторов.

Санкционный дискурс выражается с помощью различных лингвистических средств. К примеру, использование специфической терминологии (например, «санкции», «принуждение», «экономическая изоляция»), что помогает четко обозначить предмет обсуждения и его контекст. Использование метафор, аналогий и других риторических средств помогает сделать аргументацию более убедительной и эмоционально насыщенной. Кросс-культурные ссылки, в частности упоминание исторических примеров или культурных контекстов, позволяют установить связь с аудиторией и повысить значимость аргументов. Также необходимо отметить, что санкционный дискурс активно используется в различных медиа-форматах (новости, аналитические статьи, официальные заявления), что позволяет достичь широкой аудитории и разнообразить способы коммуникации.

Актуальность работы определяется тем, что в последнее время на геополитической арене санкции стали одним из основных инструментов политического и экономического давления на государства. Современные политические процессы способствовали появлению нового вида дискурса – санкционного, который требует описания и уточнения с точки зрения его структуры и компонентов.

Санкционный дискурс – гибридный тип дискурса, совмещающий характеристики военного, политического и публицистического дискурсов, что объясняется сущностью санкций как альтернативы военному воздействию и СМИ, нормативно-правовых документов, заявлений официальных лиц как канала передачи информации о введении/снятии санкций. Именно через СМИ правящие политические элиты могут воздействовать на массовое сознание реципиентов, формируя необходимое восприятие санкционной политики [Подолько: 6].

По мнению А.Н. Баранова, «дискурс санкционной политики – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях об ограничительных мерах, запланированных или введенных страной-санкционером против страны-оппонента и направленных на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [Баранов, Казакевич: 40].

За три года санкции стали одним из ключевых инструментов международной политики, используемым государствами для достижения своих внешнеполитических целей. С одной стороны, страна-инициатор активно применяет санкции в качестве средства давления на страны, нарушающие международные нормы. С другой стороны, страна, на которую на-

правлены подобные меры воздействия, воспринимает санкции как вызов, требующий адекватного ответа и переосмысления своей внешнеэкономической стратегии.

Исходя из этого, санкционный дискурс можно определить как особый тип институционального дискурса, обусловленный геополитической ситуацией, предполагающий неравные статусные роли его стран-участниц, содержание которого отражает ограничительные политические и/или экономические меры, призванные обеспечить соблюдение права или исполнение обязанностей страной-нарушителем.

Сами санкции нацелены на создание дискомфорта, связанного с аксиологическими доминантами как отдельного индивида, так и общества в целом. В этом отношении можно говорить, что санкции – это и есть та самая жизнь, в которую погружена речь современного человека. Согласно Ю.Ю. Литвиненко, санкции характеризуются антиномией, то есть противоречием между двумя взаимоисключающими положениями: рациональное – эмоциональное (в СМИ публикуется и обзревается огромное количество сообщений о введении санкций, но, с другой стороны, вся эта информация анализируется и оценивается в эксплицитной или имплицитной формах); императивность – вариативность (суждения отличаются категоричностью, но при этом жесткость снижается при информировании о негативных последствиях для стороны, вводящей эти самые санкции); ограничения – возможности (санкции предполагают действия, ведущие к ухудшению состояния страны, на которую эти санкции направлены, однако эти ограничения могут привести и к положительным последствиям для этой же страны; чужой – свой; санкции – контрсанкции. Предполагается, что внутренние противоречия, присутствующие санкционному дискурсу как феномену, обладающему своим жизненным циклом, создают напряженные участки, за счет которых поддерживается его развитие в окружающем нас коммуникативном пространстве [Литвиненко: 71].

Данная статья посвящена проблеме изучения неологизмов английского языка конца 2010-х – начала 2020-х годов и их лингвокультурологической и лингвопрагматической характеристике.

Лингвистическим материалом послужила подборка неологизмов из электронных словарей Dictionary.com, Merriam Webster Online Dictionary, WordSense Dictionary, Urban Dictionary, а также новостных изданий Bustle News, The Economist, The New York Times, Sky News. В ходе исследования было проанализировано свыше 1100 фрагментов статей из сетевых словарей и веб-ресурсов, содержащих 1000 единиц новой англоязычной лексики.

Запреты носят преимущественно экономический характер, целью же налагаемых запретов мо-

гут являться политические изменения в данной стране. Экономические санкции являются инструментом давления в любой сфере, не только политической, а также средством наказания за любые нежелательные для субъекта санкций действия [Липириди: 158].

Рассматривая санкции в качестве инструмента воздействия, который может как поддерживать порядок и законность, так и служить средством давления в международных отношениях, можно выделить следующие виды: экономические санкции (ограничения на торговлю, финансовые операции или инвестиции, направленные на ослабление экономики страны-нарушителя); политические санкции (меры, направленные на ограничение политических прав или участие в международных организациях); военные санкции (запрет на продажу оружия или военной техники определенным государствам); социальные санкции (направленные на ограничение социальных прав и свобод (например, запрет на выезд из страны)). Сферой, на долю которой приходится подавляющее число неологизмов, является экономика, политика и связанная с ней экономическая коммуникация. Это обусловлено развитием международных экономических связей, глобализацией экономики, преобладанием западных передовых технологий и повышением роли английского языка как средства международного общения.

Неологизмы санкционного дискурса проникают в лексику английского языка через несколько ключевых механизмов. К примеру, в ответ на актуальные политические и экономические события, когда страны вводят новые санкции или разрабатывают новые стратегии, связанные с экономическим давлением, появляются термины, описывающие эти меры. Например, такие слова, как “sanction busting” или “secondary sanctions”, возникли в контексте конкретных международных конфликтов и экономических кризисов. **“Sanction busting”** (*the deliberate disregarding of sanctions that are in force against a state, organization, etc – действия, направленные на обход санкций, например через использование третьих стран или альтернативных финансовых систем. Этот термин отражает сложность соблюдения санкционных режимов и подчеркивает креативные подходы, которые некоторые страны или компании используют для продолжения торговли с объектами санкций*). Данный неологизм используется для обозначения действий, которые могут вызвать негативные последствия для тех, кто пытается обойти санкции, подобные действия могут восприниматься как нарушение правовых норм или этических стандартов, поскольку подразумевает незаконные или полужуридические действия [Collins Dictionary].

“Secondary sanctions” (*impose penalties on persons and organizations not subject to the sanctioning*

country's legal jurisdiction and are applied against entities engaged in the same dealings prohibited under primary sanctions – вторичные санкции, которые накладываются на третьи страны или компании, взаимодействующие с государством, уже находящимся под санкциями). Этот термин иллюстрирует растущую сложность международных отношений и показывает, как одни страны могут использовать санкции как инструмент давления на союзников или нейтральные страны. Можно сказать, что подобные санкции применяются как инструмент давления на государства или компании, чтобы они не сотрудничали с нарушителями. Эти санкции могут восприниматься как средство давления на третьи страны, что вызывает вопросы о справедливости и моральной ответственности. Обозначают вторичные меры воздействия, что добавляет слой сложности к международным отношениям. Сторона, нарушающая запреты или ограничения, подпадающие под вторичные санкции, является субъектом регулирующих последствий. Однако санкции значительно более суровы; как правило, они состоят из ограничений или запретов на доступ к финансовой системе страны, наложившей санкции, и/или к экономике в целом. Эта мера фактически запрещает санкционированной стороне вести бизнес с клиентами и поставщиками в США, поскольку она блокирует доступ к валюте.

Исследования в области международных отношений, экономики и права также способствуют появлению новых терминов. Ученые и эксперты разрабатывают новые концепции и термины для описания изменений в санкционной политике, что может привести к созданию неологизмов, таких как “economic coercion” или “compliance risk”. **“Compliance risk”** (*an organization's potential exposure to legal penalties, financial forfeiture and material loss, resulting from its failure to act in accordance with industry laws and regulations, internal policies or prescribed best practices – риск несоответствия требованиям санкционного законодательства, который компании и финансовые учреждения должны учитывать в своей деятельности*). Данный неологизм используется в бизнесе для оценки потенциальных последствий несоблюдения правил. Отражает ценность соблюдения норм и правил, подчеркивая важность законопослушания. Указывает на потенциальные потери из-за несоблюдения правил; имеет негативную оценку. Среди основных видов рисков можно выделить коррупционные и незаконные действия, нарушение конфиденциальности, экологический ущерб, несоблюдение протокола выполнения задачи, а также протоколов по охране и технике труда. Стандарты Международной организации по стандартизации (ISO) предоставляют рекомендации по управлению рисками и соблюдению требований в различных отраслях.

Поскольку все больше стран принимают строгие требования, организации должны обеспечить соответствие своих политик и практик этим международным стандартам, чтобы избежать правовых последствий и защитить свою международную репутацию [Hanna, Sales]. **“Economic coercion”** (*a behavioral precedent so that they can control the behavior of their political opposition. The use, or threat to use, 'measures of an economic – as contrasted with diplomatic or military – character taken to induce [a target State] to change some policy or practices or even its governmental structure – использование экономических мер (включая санкции) для принуждения другой страны к изменению ее политики или поведения*). Этот термин акцентирует внимание на стратегическом использовании экономических инструментов в международной политике, подчеркивая, что санкции могут быть частью более широкой стратегии давления. Данный неологизм используется для описания ситуации, когда одно государство принуждает другое к определенным действиям через экономические меры, а также вызывает вопросы о справедливости и морали таких действий и имеет негативную коннотацию [Urban Dictionary].

Неологизмы могут возникать также путем модификации или расширения значений уже существующих слов. Например, слово “sanction” может быть использовано в различных контекстах (например, “targeted sanctions”), что приводит к появлению новых значений и комбинаций. **“targeted sanctions”** (*prohibition of certain activities with sanctioned persons or entities within a country – целевые санкции, которые направлены на конкретные лица или организации, а не на всю экономику страны*). Этот термин указывает на более избирательный подход к наложению санкций, который может быть более эффективным и менее разрушительным для обычного населения. Подобные санкции часто обсуждаются в контексте международной политики как более гуманная альтернатива широким санкциям. Они могут быть оценены как более «умные» меры, направленные на конкретные лица или организации, что предполагает более высокую моральную ответственность, а также точечное воздействие; может восприниматься как менее агрессивное по сравнению с общими санкциями [Collins Dictionary].

Изменения в законодательстве и международных соглашениях могут приводить к созданию новых терминов, которые описывают вновь введенные правила или процедуры, связанные с санкциями. Например, термин “sanctionable offence” может возникнуть в результате разработки новых правовых норм. **“Sanctionable offence”** (*different types of noncompliance with regimes which should be sanctioned by countries to ensure the effectiveness of the disclosure regime – действие или поведение, которое может*

стать основанием для наложения санкций). Этот термин помогает определить четкие границы и критерии для применения санкций, что важно для правовой и дипломатической ясности. Эти действия могут привести к юридическим последствиям с учетом правовых и этических норм и имеют четкое правовое значение. Среди основных санкционируемых правонарушений чаще всего выделяют непредставление данных, позднюю подачу, отсутствующую или неполную подачу данных, неправильную или ложную подачу данных, несоблюдение дополнительных обязательств. Эффект этого типа законодательства еще предстоит увидеть, хотя это может потенциально помочь смягчить риски, возникающие из-за снижения конфиденциальности, присущего раскрытию ВО, что еще более важно, когда информация становится публичной [Designing sanctions].

В.В. Катермина выявила, что фактически каждый пятый современный неологизм образован приставочным или суффиксальным способом. И одним из самых частотных является префикс “de-” (the opposite of; against), образующий производные от глаголов, существительных, прилагательных и наречий [Катермина, Соловьева: 50]. Примером может стать неологизм “**de-risking**” (the elimination of risk – процесс снижения рисков, связанных с инвестициями или торговлей с определенными странами, подверженными санкциям). Этот термин подчеркивает изменения в бизнес-практиках и инвестиционных стратегиях в ответ на угрозу санкций, что может влиять на глобальные цепочки поставок и применяется в бизнес-контексте для обозначения стратегий снижения рисков в условиях неопределенности. Процесс связан со снижением рисков в бизнесе, что подчеркивает ценность безопасности и предсказуемости, иногда может подразумевать процесс уменьшения рисков; имеет положительное значение в бизнес-контексте [Collins Dictionary].

“**Sanctions fatigue**” (a desensitisation among both the target countries and the international community – усталость от санкций, когда страны или компании начинают игнорировать или минимизировать последствия санкционных режимов). Выражение подчеркивает, что постоянные санкции могут привести к снижению их эффективности, так как целевые страны могут адаптироваться или находить способы обхода ограничений. Неологизм используется для описания общественного мнения или реакции на длительные санкции. При его употреблении делается упор на усталость общества от постоянных санкций, что может отражать ценности стабильности и мира, а также содержит негативную коннотацию разочарования от вечного давления. Годы введения и поддержания санкций в отношении различных стран привели к снижению чувствительно-

сти как среди стран-целей, так и среди международного сообщества. Целевые страны стали искусными в преодолении санкций, разработке стратегий смягчения их воздействия и поиске способов продолжать свою деятельность незаконными средствами. Эта растущая устойчивость подрывает предполагаемое воздействие западных санкций. Снижение эффективности западных санкций можно объяснить несколькими факторами, включая изменение мировой динамики, усталость от санкций, непредвиденные последствия и ограниченное многостороннее сотрудничество [The diminishing effectiveness].

“**Economic warfare**” (an economic strategy used by belligerent states with the goal of weakening the economy of other states – экономическая война, термин, описывающий использование экономических мер (включая санкции) для достижения политических целей). Данное выражение применяется для описания агрессивных действий государств против других стран через экономические меры, что подразумевает использование экономических мер в качестве оружия, что вызывает этические вопросы о последствиях для гражданского населения. Означает агрессивные действия; имеет сильную негативную коннотацию [Urban Dictionary]. По мнению М.А. Фирсовой, вербальная агрессия включает все возможные условия коммуникативного пространства, специфику дискурса, в котором она репрезентируется, состояние и статус коммуникантов. Это обусловлено комплексным подходом к пониманию вербальной агрессии, заключающейся в нанесении вреда адресату или объекту речи [Фирсова: 144].

В ходе исследования было установлено, что англоязычный санкционный дискурс не только отражает текущие политические реалии, но и формирует новые нарративы в международных отношениях. Британская стратегия санкций акцентирует внимание на соблюдении прав человека и международного права. Различия в подходах к санкциям создают дополнительные сложности в диалоге между государствами и могут привести к дальнейшей поляризации международной политики.

Также необходимо отметить лингвокультурологический потенциал англоязычных санкционных неологизмов. Поскольку лингвокультурология исследует связь языка и культуры, акцентируя внимание на том, как языковые единицы отражают культурные реалии, ценности и нормы общества, можно говорить об отражении социальных изменений. В частности, неологизмы, связанные с санкциями, часто возникают в ответ на конкретные события (например, политические кризисы, военные конфликты). Они отражают актуальные проблемы и настроения общества. Например, термины, такие как “sanctions regime” или “economic warfare”, могут указывать на измене-

ние восприятия международных отношений. Санкционные неологизмы могут использоваться для обозначения определенной идеологии или идентичности. Так, использование термина “targeted sanctions” может подчеркивать более гуманный подход к санкциям, в отличие от “comprehensive sanctions”, которые могут восприниматься как более жесткие и менее избирательные. Также неологизмы могут показывать влияние глобальных процессов на локальные культуры – санкции против определенных стран могут приводить к появлению новых терминов в языке, которые затем могут адаптироваться и использоваться в других контекстах.

Помимо этого, можно говорить о лингвопрагматическом потенциале в случае англоязычных санкционных неологизмов. Они могут выполнять различные коммуникативные функции – от информирования до манипуляции общественным мнением. Например, использование термина “sanction fatigue” может сигнализировать о том, что общество устало от постоянных санкций, что может повлиять на политические решения. Политики и СМИ активно применяют неологизмы для создания риторических эффектов. И использование терминов вроде “smart sanctions” может создавать впечатление, что меры принимаются взвешенно и с учетом гуманных аспектов. Помимо этого, санкционные неологизмы могут использоваться для формирования определенной позиции или мнения. Так, использование фразы “economic isolation” может быть направлено на создание негативного имиджа страны-цели санкций.

В конечном итоге понимание санкционного дискурса обеих стран является важным шагом к поиску путей для конструктивного взаимодействия и разрешения конфликтов на глобальной арене. В целом санкционный дискурс представляет собой многогранный инструмент, который сочетает в себе политические, экономические и социальные аспекты, а также использует разнообразные лингвистические средства для достижения своих целей. Англоязычные неологизмы не только отражают изменения в политической и экономической сферах, но и влияют на восприятие этих изменений в обществе. Их изучение позволяет глубже понять динамику языка как инструмента коммуникации и выразить культурные и идеологические реалии современного мира.

Список литературы

Источники

- Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1983. 816 с.
- Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.11.2024).
- Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.11.2024).
- Hanna Katie Terrell, Sales Francesca. Compliance risk. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/definition/compliance-risk> (дата обращения: 15.11.2024).
- Designing sanctions and their enforcement for beneficial ownership disclosure. URL: <https://www.openownership.org/en/publications/designing-sanctions-and-their-enforcement-for-beneficial-ownership-disclosure/sanctionable-offences-in-beneficial-ownership-transparency-regimes> (дата обращения: 15.11.2024).
- The diminishing effectiveness of Western sanctions. URL: <https://www.worldfinance.com/strategy/the-diminishing-effectiveness-of-western-sanctions-a-critical-examination> (дата обращения: 15.11.2024).
- Исследования*
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Москва: Знание, 1991. 64 с.
- Кажарова М.А. Вербальная агрессия в политическом дискурсе (на материале испанских предвыборных телевизионных дебатов): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024. 206 с.
- Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аффикация как средство создания неологизмов // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития / под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди и др. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2023. С. 49–54.
- Криворучко И.С. Неологическая метафора как изобразительное средство современной деловой коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 224–227.
- Липириди С.Х. Влияние санкций на неоминимум в туристической индустрии // Язык в дискурсивных реалиях современности: коллектив. монография. Краснодар: Изд.-полиграф. центр Кубанского гос. ун-та, 2024. С. 145–165.
- Литвиненко Ю.Ю. Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 71–75.
- Подолько А.С. Сопоставительное исследование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского, американского санкционных дискурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 24 с.
- Самойлова А.В. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования // Вестник Новосибирского государственного университета. 2023. Т. 21, № 1. С. 145–159.
- Сенько Е.В. Кросскультурная неология: монография. Владикавказ: ООО НПВП «Мавр», 2023. 158 с.

Фирсова М.А. Феномен агрессии в языке: проблема терминологического обозначения // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 140–147.

Хатламджиян М.А. Конфликтогенный потенциал гендерных неологизмов англоязычного дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 154–163.

References

Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentские debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow, Znanie Publ., 1991, 64 p. (In Russ.)

Firsova M.A. *Fenomen agressii v jazyke: problema terminooboznachenija* [The phenomenon of aggression in language: the problem of terminology]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 154–163. (In Russ.)

Kazharova M.A. *Verbal'naja agressija v politicheskom diskurse (na materiale ispanskih predvybornyh televizionnyh debatov): dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal aggression in political discourse (based on the Spanish pre-election television debates): PhD thesis]. Moscow, 2024, 206 p. (In Russ.)

Katermina V.V., Solov'eva N.S. *Affiksatsiia kak sredstvo sozdaniia neologizmov* [Affixation as a means of creating neologisms]. *Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopoliarnost', perspektivy razvitiia* [Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects], ed. by A.V. Zin'kovskaya et al. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 49–54. (In Russ.)

Khatlamadzhiian M.A. *Konfliktogennyi potentsial gendernykh neologizmov angloiazychnogo diskursa* [Conflictogenic potential of gender neologisms of English-language discourse]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 154–163. (In Russ.)

Krivoruchko I.S. *Neologicheskaia metafora kak izobrazitel'noe sredstvo sovremennoi delovoi kommunikatsii* [Neological Metaphor as a Visual Means of Modern

Business Communication]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 2, pp. 224–227. (In Russ.)

Lipiridi S.Ch. *Vliianie sanktsii na neonominiatsiiu v turisticheskoi industrii* [The Impact of Sanctions on Neomination in the Tourism Industry]. *Iazyk v diskursivnykh realiiakh sovremennosti: monografiia* [Language in the Discursive Realities of Our Time: Monograph]. Krasnodar, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2024, pp. 145–165. (In Russ.)

Litvinenko Iu.Iu. *Antinomii sanktsionnogo diskursa (na primere vyskazyvanii ob antirossiiskikh sanktsiakh)* [Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях)]. *Vestnik Omskogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* [Bulletin of Omsk Pedagogical University. Humanitarian Research], 2022, no. 2 (35), pp. 71–75. (In Russ.)

Podol'ko A.S. *Sopostavitel'noe issledovanie intertekstual'nykh vkluchenii v zagolovochnykh kompleksakh (na materiale Rossiiskogo, Britanskogo, Amerikanskogo sanktsionnykh diskursov): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Comparative study of intertextual inclusions in heading complexes (based on Russian, British, and American sanctions discourses): PhD thesis, summary]. Ekaterinburg, 2024, 24 p. (In Russ.)

Samoilova A.V. *Angloiazychnye politicheskie neologizmy: ot semantiki k pragmatike ispol'zovaniia* [English-language political neologisms: from semantics to pragmatics of use]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State University], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 145–159. (In Russ.)

Sen'ko E.V. *Krosskul'turnaja neologija: monografiia* [Cross-cultural neology: monograph]. Vladikavkaz, OOO NPKP «Mavr» Publ., 2023, 158 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 06.03.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 06.03.2025.